

Я.Н. Просянникова
г. Херсон, Украина

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СРАВНЕНИЯ

Язык служит не только средством познания и репрезентации мира предметов и мира идей, он связан с формированием и передачей мыслей, с выражением чувств и различных интенций и обеспечивает тем самым сферу эмоциональной и речемыслительной деятельности человека. Результаты познавательной и практической деятельности человека отражаются в единицах (знаках) и категориях языка. “Язык является ... системой виртуальных знаков, которым предстоит актуализироваться в каждом частном случае для выражения данной мысли; функционирование языка состоит в преобразовании потенциального в действительное; для этого предназначен весь комплекс знаков” [Кузнецов 2010: 95]. Имплицитное обращение к понятию знака находим в трудах представителей различных научных течений еще со времен античных философов. Последовательная лингвистическая разработка вопроса о знаковой природе языка принадлежит швейцарскому ученому Ф. де Соссюру.

Но и на сегодняшний день вопрос о том, что именно подпадает под понятие "языкового знака" остается открытым. Существуют три направления изучения этой проблемы. Согласно первому направлению к собственно языковым знакам относятся слова, а высказывания относятся к коммуникативному уровню языка (Э. Бенвенист); представители другого - считают полноценными языковыми знаками - высказывания, классифицируя слова, как частичные или неполные единицы (В.Г. Гак). Большинство лингвистов относит к языковым знакам разнородные по своей структуре единицы (слова, словосочетания, предложения). Наш интерес к уточнению знаковости языковых единиц вызван особым объектом исследования - художественным сравнением. Сравнение как “грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи” [Матвеева 2003: 334], реализуется на языковом уровне в двух измерениях, в форме как номинативных, так и предикативных единиц. Актуальность исследования заключается в использовании лингвосемиотического подхода к изучению компаративного тропа сравнения, как языкового знака.

Согласно лингвистической концепции Ф. де Соссюра, знак понимается как “сочетание акустического образа и понятия” [Соссюр 1977: 99]. В примерах, которыми автор иллюстрирует свое понимание понятия "знак", выступают только номинативные единицы (слова). В этом состоит сложность при толковании предикативных единиц в качестве языковых знаков. Для разрешения этого противоречия необходимо обратиться к “двуплановому модусу” существования языка, “языка как системы обобщенных, потенциальных знаков и моделей их сочетаемости и речи как реальной формы манифестации языка, конкретной реализации этой системы” [Уфимцева 2011: 12]. Язык понимается как система виртуальных знаков, которая

актуализируется в речи. Она является, с одной стороны, жестко структурированной, что обеспечивает успешную коммуникацию в пределах языкового коллектива, с другой, более гибкой, что позволяет индивидуализацию использования языковых единиц для выражения многообразия мнений, эмоций. Различают знаки первичного и вторичного означивания. К первой группе относятся знаменательные слова и словосочетания. Ко второй группе знаков относятся высказывания и сообщения, которые соотносятся с ситуациями из предметного и духовного мира человека [Уфимцева 2011: 14]. Дифференциация видов языкового означивания нашло отражение в бинарных противопоставлениях: номинативные и предикативные; знаки-наименования и знаки-сообщения (Т.В. Булыгина); частичные и полные (В.Г. Гак), знаки и семи (Л. Прието).

Вслед за А.А. Уфимцевой, мы различаем единицы языка (слова, словосочетания) и единицы речи (высказывание, предложение). Номинативные единицы, или единицы речи обозначают отдельные предметы окружающего мира, классы предметов, абстрактные понятия. Предикативные, или единицы речи соотносятся с конкретными единичными ситуациями. Правомерность и целесообразность дифференциации единиц языка и речи доказывает Э.Бенвенист: "... оно (предложение - П.Я.) принципиально отлично от других языковых единиц. Сущность этого различия заключается в том, что предложение содержит знаки, но именно знаком не является. ... Предложение принадлежит речи ... предложение есть единица речи (разрядка автора - П.Я.). Предложение является полной единицей, которая имеет одновременно и смысл, и референцию: смысл – потому что оно несет в себе смысловую информацию, а референцию - потому что соотносится с соответствующей ситуацией "[2, с.140]. Итак, исходя из дифференциации единиц языка и единиц речи, можно квалифицировать художественное сравнение как знак. Пользуясь триадой знаков Пирса Ч. “икона-индекс-символ”, предлагаем рассматривать художественные сравнения как иконические, индексальные и символические знаки.

Исходя из утверждения Ч. Пирса об иконическом знаке, как о знаке, который “может репрезентировать свой объект главным образом через подобие, вне зависимости от способа его существования” [Пирс 2000: 77], под иконическими сравнениями мы понимаем единицы, в структуре которых субъект и объект сравнения соотносятся на основе материального, структурного или визуального подобия. Примером такой иконичности является последовательность глаголов *veni, vidi, vici*, которую приводит Р. Якобсон, доказывая, что “временной порядок речевых форм имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка событий во времени или степени важности” [Якобсон 1983: 107].

Иллюстративный материал позволяет дифференцировать иконические сравнения, в основе которых лежит общий признак, способ действия или ситуация. Перенос характеристики с одной сферы на другую, понимание одной области знаний в понятиях другой осуществляется с помощью лингвокогнитивной операции аналогового картирования. Выделяют три вида

картирования: атрибутивное (осмысление сходства на признаковом уровне (attribute mapping)), релятивное (выделение общих отношений и действий между концептуальными сферами субъекта и объекта (relational mapping)), ситуативное (проведение аналогий между общими признаками, действиями и событиями, представляющих жизненные ситуации (situational mapping)) [Freeman 1995: 643-666].

Картирование в данном исследовании рассматривается как лингвокогнитивная операция формирования художественного сравнения в стихотворном тексте. В основе картирования лежит осмысление одного понятия в терминах другого в рамках различных концептуальных областей знания или же поиск части или целого в пределах одной и той же концептуальной сферы на основании их сходства или подобия [Lakoff, Johnson 1980: 16-24].

Атрибутивное картирование является лингвокогнитивной операцией проектирования признаков, качеств, свойств, которые присущи сфере объекта любого художественного сравнения на сферу субъекта. Такой вид картирования является наиболее простым, устойчивым механизмом, или лингвокогнитивной операцией формирования художественного сравнения, что направляет ход аналогии четко очерченным путем соотнесения общих признаков между сферами художественного сравнения. Например: “...*patience / Is longer than the lives of glaciers*” - “*терпение дольше жизни ледников*” (A. Milton “The natural history of elephants”), “*perfect love is like a fair green plant*” - “*совершенная любовь, как прекрасное цветущее растение*” (A. Lampman “The Growth of Love XI”), “*The mystic river ... / Untamable and changeable as flame*” - “*таинственная река необузданная и изменчивая, как пламя*” (C. Roberts “Ave! (An Ode for the Shelley Centenary, 1892)”). В приведенных строках художественное сравнение имеет определенное синтаксическое строение. Примеры включают в себя конструкции с лексической (like, as) или грамматической (longer than ...) экспликацией сравнения. Но их общей чертой является процесс проведения аналогий между субъектом и объектом на основе общности признака, который в поэтической строке представлен прилагательным в двойной функции: синтаксической - определение (attribute) и стилистической - выдвижение: “...*with a smile as golden as the dawn*” - “*с золотой улыбкой, как заря*” (A. Lampman “Comfort of the fields”), “*Our thoughts as sweet and sumptuous / as her flowers*” - “*наши мысли сладкие и пышные, как ее цветы*” (A. Lampman “On the Companionship with Nature”). Номинативные единицы golden, sweet, sumptuous служат идентификации основы сравнения, ограничивающей проведение аналогии, очерчивают ее ход, прокладывают траектории интерпретации такого действия.

Релятивное картирование - это сравнение отношений причинно-следственного характера, что обуславливает наличие в сферах субъекта и объекта художественного сравнения похожих эмоций, состояний и действий [Белехова 2002: 222]. Проиллюстрируем данное положение строкой из стихотворения Ч. Робертса “The Potato Harvest”: “... *and the day fades out like smoke*” - “... *и день исчезает, как дым*”. В сфере субъекта “the day” - “день” нет

ни одного общего признака или качества, сколько-нибудь соответствующего признакам сферы объекта сравнения “smoke” - “дым”, однако смысл этого образа является понятным для восприятия. Это достигается путем сравнения ощущения, возникающего у человека при наблюдении за рассасыванием, растворением, медленным таянием дыма, с аналогичным чувством при созерцании течения и завершения светового дня, чувство страха, которое возникает в результате осознания безвозвратности и скоротечности жизни, и главное осознание того, что эти процессы неподконтрольны ни одному живому существу в мире. Еще одним примером такого сравнения может служить фрагмент из стихотворения Б. Демстера “Disappearing grandmothers”: *“Years later, my mother / was still wearing both their aprons, / her wet hands disappearing into the pockets / like lost souls”* - “Много лет спустя, моя мать носила оба их фартуки, ее влажные руки исчезали в карманах, как потерянные души”. Автор создает художественный образ путем сближения субъекта и объекта сравнения, предмета реальной действительности (hands) с абстрактным явлением (lost soul), на основе общего характера действий. Интерпретация сравнения “руки – потерянные души”, исходя из гетерогенности понятий, удаленности концептуальных областей их существования, могла бы быть усложненной при отсутствии глагола disappear (disappear - 1. to go away or become lost 2. to cease to exist; become extinct or lost [Collins 2000: 329]), которое на семантическом уровне связано с прилагательным lost. Лексические единицы disappear, lost с удвоенной силой фокусируют внимание читателя (адресата) на общности действия субъекта и объекта сравнения. Опираясь на пресуппозицию читателя (адресата), его знания о судьбе души после прекращения существования физической оболочки, тела - руки матери, которые исчезают в карманах передника, уподобляются потерянным душам, душам грешников, которые согласно с канонами христианской религии, исчезают в темноте ада под землей в ожидании справедливого Божьего суда.

Цепочку иконических сравнений способа действия встречаем в стихотворении Р. Кранаха “Releasing Ladybugs (hippodamia convergens)”: *“... Like the sprayed leaves I invite them (ladybugs - П.Я.) to visit / for a cool drink and an aphid lunch”* “...Как покрытые листья росой, я приглашаю их попробовать охлажденный напиток и тлю на завтрак”. Сходство между листьями и насекомым автор видит в способе существования живых существ и растений, которые живут, изобилуют энергией, цветут, только употребляя живительную влагу - воду. Отсутствие в приведенном примере именных единиц a man, a human being; ladybugs и использование личных местоимений I, them позволяет автору текста не только избежать тавтологии, а прежде всего, указать на принадлежность человека и насекомого к одному миру, миру живой природы.

“When they (ladybugs - П.Я.) do take the plunge/ - In my impatience I flick them from my finger/ -they land like adolescents, on their backs/ and needing a winged flurry/ to right themselves” - “Когда они, наконец, прыгают/ -Нетерпеливо я стряхиваю их с пальца -/ Они падают на спины, как подростки/ И ждут, когда сильный ветер/ поставит их на ноги”. Иконичность второго

примера базируется на сходстве действий субъекта (*ladybugs*) и объекта сравнения (*adolescents*). Вращение божьей коровки на спинных крыльях вызывает в воображении читателя ассоциации с уличным танцем брейк-данс, который является распространенным среди молодежи. Аналогия состоит в неестественном круговом движении насекомых и элементом танца под названием "бэкспин" (*backspin*), во время демонстрации которого юноши выполняют вращение на спине на 360 градусов. "*At ground level they (ladybugs - П.Я.) move ahead like playfully decorated tanks.*" - "*Они передвигаются по земле, как шутивно разрисованные танк*". В этой строке представлено неожиданное сравнение существа (*ladybug*) с неодушевленным предметом (*tank*). Основанием для актуализации визуального подобия послужил способ передвижения и наличие бронированного покрытия, как у насекомого, так и у танка. На семантическом уровне происходит активация таких понятий, как неуязвимость, большая движущая сила, всепроникновенность. Приведенные примеры являются не только иконическими по своей природе, они являются примером комбинированного вида, поскольку включают в себя как иконическую, так и индексальную характеристику.

Ч. Пирс вслед за Аллен и Грино утверждает, что заменители существительных (местоимения) указывают на вещи прямым образом и являются индексальными знаками. Индексы, по Ч. Пирсу, помогают слушателю (в нашем случае читателю) "установить связь между разумом и объектом" [Пирс 2000: 83]. Личное местоимение они (*they*) является индексом, оно не называет, не описывает, не дает какую-либо характеристику, а лишь указывает на субъект сравнения (*ladybugs*), тем самым предоставляя возможность корректного восприятия поэтического текста. Использование местоимения в поэтическом тексте стало возможным не только потому, что референты достаточно эксплицированы, но и потому что основной смысл сконцентрирован на действии (*disappear, land, move ahead*). Именно глагольные единицы позволяют идентифицировать смысл сравнения в отношении других его элементов.

При релятивном картировании в областях знаний, которые могут образовывать оппозицию конкретное/абстрактное и наоборот, выделяется совместное действие, эмоция или состояние, которые становятся основой сравнения, обеспечивая направленное движение мысли при осмыслении и интерпретации поэтического образа.

Наряду с атрибутивным и релятивным видами картирования выделяется особый вид аналогии между событиями и ситуациями. Ситуативным картированием называется сопоставление ситуаций, событий типичных для субъекта художественного сравнения, с ситуациями, событиями объекта [Белехова 2002: 222-223]. Примером ситуативного картирования может служить цитата из стихотворения С. Болстер "*Many have written poems about blackberries*", которое выражается в проектировании ситуации сбора ягод на ментальное состояние человека: "*The bushes themselves ramble like a grandmother's sentences*" - "*Кусты блуждают (путаются) как бабушкина речь (предложения)*". При сборе ягод в поле зрения человека то появляются, то

исчезают ягодные кусты, они блуждают вокруг нас. Для того чтобы собрать хороший ягодный урожай необходимо сконцентрироваться на определенном объекте (кусте) и выбрать спелые ягоды. Точно так же и во время общения у пожилых людей в памяти всплывают и исчезают (блуждают) мысли, воспоминания, часто никак не связанные между собой. Для адекватного общения с окружающими людьми им приходится тщательно отбирать необходимую для сообщения информацию, что не всегда удается в силу психофизических недостатков, которые возникают в пожилом возрасте.

Таким образом, проведенный анализ доказывает целесообразность дифференциации иконических сравнений по типу основы сравнения, которые создаются путем активации лингвокогнитивной операции аналогового картирования. Обозначенная проблема не исчерпывается полученными результатами. Перспективу дальнейшего изучения усматриваем в исследовании реализации принципа иконичности на фонетическом уровне.

Список литературы

1. Белехова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект [Рукопис] : дис. ... д-ра філол. наук: 10. 02. 04; наук. консультант д-р філол. наук проф. О.П. Воробйова. – К: КНЛУ, 2002. – 391с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448с.
3. Кузнецов Л.Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. – М.: Знак, 2010. – 368с.
4. Матвеева Т.В. Русский язык, культура речи, стилистика, риторика: Учебный словарь. – М.: Наука, 2003. – 432с.
5. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию / Под общ. ред А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696с.
6. Пирс Ч. Начала прагматизма / Пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352с.
7. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 208с.
8. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика; под. ред. Степанова Ю.С. – М.: Радуга, 1983. – С. 102-117
9. Collins Dictionary and thesaurus / [edit. director Treffry Diana]. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2000. – 1398p.
10. Freeman M. Metaphor making meaning: Dickinson's conceptual universe // Journal of Pragmatics. – 1995. – № 24. – P. 643-666.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1980. – 242p.